

ограничить примѣненіе административныхъ каръ случаями „явно-вреднаго направленія“ газетъ или журналовъ; не прошло, однако, и мѣсяца со времени введенія въ дѣйствіе закона, какъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (въ сентябрѣ 1865 г.) получили уже первое предостереженіе—*первое* не только для нихъ, но и для всей русской печати—за статью, обсуждавшую отдѣльный, частный вопросъ (о продажѣ государственныхъ имуществъ) и никакого общаго направленія не обнаруживавшую. Сочувствіе земству сдѣлалось небезопаснымъ уже на второй годъ дѣятельности земскихъ учреждений, въ особенности послѣ закрытія ихъ въ петербургской губерніи; сочувствіе новому суду могло быть понято какъ признакъ неблагонамѣренности уже послѣ первыхъ приговоровъ петербургскаго окружнаго суда по дѣламъ печати. Сочувствіе основнымъ началамъ крестьянской реформы вело къ протесту противъ искаженія ихъ въ дѣйствительности, къ указанію пробѣловъ, требовавшихъ пополненія; между тѣмъ, официальнымъ лозунгомъ эпохи было *несуществованіе крестьянскаго вопроса*, по крайней мѣрѣ какъ вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ онъ считался окончательно и навсегда порѣшеннымъ и практикою, и закономъ. Допускалось, за то, и очень охотно, существованіе вопросовъ сельско-хозяйственнаго и сельско-административнаго—другими словами, допускалась возможность и, можетъ быть, даже необходимость наложить руку на крестьянское самоуправленіе, на крестьянскую поземельную общину. Защита реформъ становилась, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ оппозиціи, даже тогда, когда она стояла на почвѣ совершившихся уже фактовъ. Постоянно оставаясь на этой почвѣ она не могла уже потому, что нужно же было дать себѣ отчетъ въ причинахъ реакціи, нужно же было обобщить и объяснить длинный рядъ событій, приведшихъ къ полной перемѣнѣ фронта. Каждый шагъ на этомъ пути былъ обставленъ почти непреодолимыми преградами; газетѣ не удавалась даже ясная и опредѣленная постановка вопроса—но уже самыя попытки его поставить давали поводъ къ обвиненіямъ, подъ тяжестью которыхъ рано или поздно должна была пасть редакция.

Incidit in Scyllam, qui vult vitare Charibdin. Харибду, которой старался избѣжать и въ концѣ концовъ все-таки не избѣжалъ В. Θ. Коршъ, мы уже указали; Сциллой для него было осужденіе со стороны тѣхъ, кто не понимаетъ лавированія. Мы видѣли уже, что въ самый разгаръ польскаго вопроса, нападенія противъ „Спб. Вѣдомостей“ исходили изъ двухъ источниковъ, совершенно разнородныхъ; тоже самое слѣдуетъ сказать и о позднѣйшемъ періодѣ ихъ исторіи—томъ періодѣ, когда сложилась въ нашей сатирѣ знаменитая формула: „должно